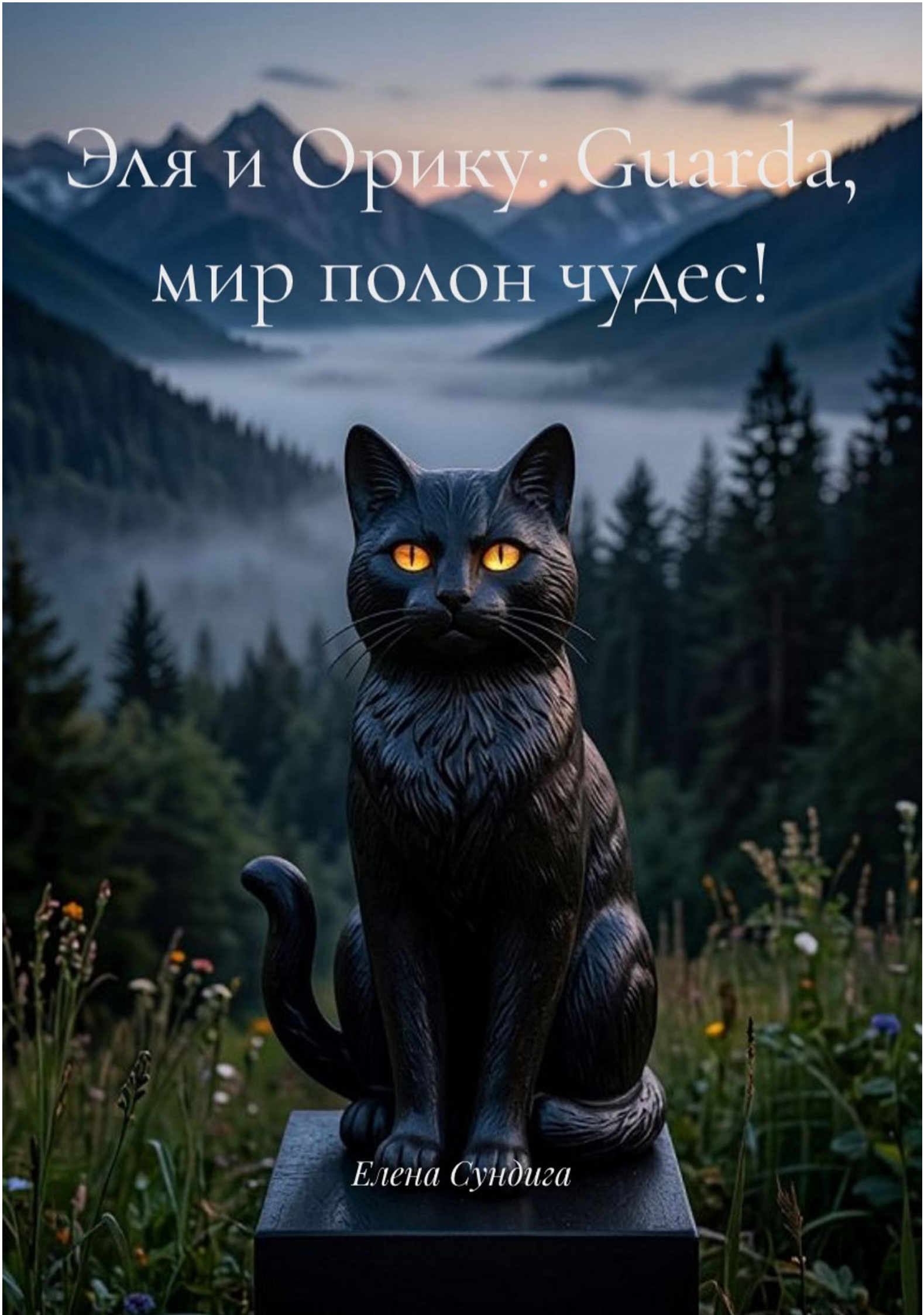
Эля и Орику: Guarda, мир полон чудес!



Елена Сундига

Елена Сундига

Эля и Орику: Guarda, мир полон чудес!

«Автор»
2026

Сундига Е.

Эля и Орику: Guarda, мир полон чудес! / Е. Сундига — «Автор», 2026

Обычная спальня затихает с наступлением темноты, но именно в этот час в дальнем углу бесшумно шевелится густая тень. Стоит чёрной кошке Орику повелительно махнуть хвостом — и для маленькой Эли открывается дверь в удивительные, но по-настоящему живые миры, где пахнет свежеиспечённым хлебом, мокрой речной глиной, морским ветром и таёжным костром.Вместе с ворчливой, но мудрой Орику, а позже — и с непоседливым рыжим щенком Кикко Эля учится не бояться высоты на крутых скалах у бушующего моря, спускается в пещеру с подземным озером, лепит кружку на старом гончарном круге, помогает пекарю на солнечной площади и понимает, что настоящая смелость живёт в самом обычном сердце.Добрая, уютная повесть для семейного чтения перед сном, после которой хочется заварить ароматный травяной чай, укутаться в плед и поверить, что чудеса прячутся совсем рядом.

© Сундига Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 23
Глава 7 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Елена Сундига
Эля и Орику: Guarda, мир полон чудес!

Глава 1

Глава 1. Вышедшая из сердца

В это утро Эля встала совсем рано — за окном было ещё тихо, и город только-только гасил уличные фонари. Дом спросонья казался огромным и пустым. В саду возились первые птицы, шуршала листва, и Эле хотелось побыстрее накинуть кофту и выйти на крыльцо — проверить, начался уже новый день или ещё можно побыть в этой тишине.

Приоткрыв входную дверь, она скользнула на улицу и замерла на верхней ступеньке, вдыхая влажный воздух. И тут же поймала ещё один запах — густой, сладкий, доносившийся из соседней пекарни, где мастер всегда разжигал печь раньше всех. Пахло ванилью, поджаренной корочкой и пряной корицей, так что у Эли сразу заурчало в животе. Девочка обожала булочки с корицей — от одного их аромата внутри сразу становилось уютно, как под любимым одеялом. Было здорово стоять на прохладных деревянных досках крыльца, ловить носом ванильный дух и знать, что весь этот огромный мир сейчас принадлежит только ей одной.

Она даже сглотнула слюну и представила, как позже купит у пекаря свежую булочку и будет запивать её какао с мёдом, облизывая липкие пальцы. Но сейчас спешить не хотелось — нужно было сберечь эти тихие минуты до начала дневной суеты.

Сверху, с крыльца, было хорошо видно, как потихоньку оживает сад: как первые лучи ложатся на верхушки деревьев, как двигаются тени под кустами. Иногда Эля задерживала дыхание, прислушиваясь к перекличке птиц.

Она замечала то, мимо чего взрослые просто проходили. Могла полчаса рассматривать обычную гусеницу, кормить муравьёв сахаром или выковыривать из земли гладкие камешки. Один такой, круглый и серый, прямо сейчас оттягивал карман кофты. Он удивительно напоминал свернувшегося крошечного щенка — наверное, потому, что Эле ужасно хотелось настоящую собаку, но родители пока не поддавались на её уговоры. Её главным местом в саду была старая деревянная беседка, которую со всех сторон густо оплели кусты дикой розы. Эля устроила там свой тайный штаб. Сюда она стаскивала главные сокровища: обкатанные водой стёклышки, пустые улиточные домики, толстый альбом и цветные карандаши. В этом зелёном укрытии можно было спрятаться от любого шума, часами рисовать или просто сидеть на деревянном полу, поджав ноги, и знать, что тебя никто не найдёт.Утреннее желание сбылось ближе к полудню: Эля сбегала в соседнюю пекарню за свежей завитушкой с корицей — ещё тёплой, политой густой сахарной глазурью, — налила себе большую кружку какао с мёдом и унесла всё это в беседку. Отщипывая мягкие слои и облизывая липкие пальцы, она старательно выводила в альбоме рыжего щенка с большими ушами. Солнце пробивалось сквозь листья розы, оставляя на страницах дрожащие пятна света. В какой-то момент у Эли защекотало затылок, будто кто-то пристально смотрел ей через плечо на рисунок. Она резко обернулась — в густых ветвях шиповника мелькнуло что-то чёрное и тут же пропало, даже не качнув листья. «Сорока, наверное», — решила девочка, но до самого обеда то и дело косилась на кусты, проверяя, не шевельнутся ли ветки снова.

После обеда тишина окончательно растаяла. На кухне мама готовила обед, тихо гремя посудой, вернулся с работы папа, громко хлопнув калиткой, взрослые на веранде обсуждали свои бесконечные дела, а Элю позвали помогать в саду. Она ползала в высокой траве, выискивая спелые упавшие яблоки, и складывала их в плетёную корзинку — бока у плодов были прохладными и пахли осенью. Потом, уже под вечер, из-за забора её окликнул соседский маль-

чишка, и они до самых сумерек гоняли по улице бумажный самолётик, пока тот не застрял высоко в ветвях старой сливы.

Ей снова приснился тот самый сон — странный, зовущий, от которого каждый раз становилось тревожно. Во сне она бежала по лесной тропинке. Сердце стучало так быстро, что отдавало в уши и заглушало даже шорох веток. Под ногами пружинила влажная земля, а холодная роса насквозь пропитала подол платья, сделав его тяжёлым. Над головой висела огромная белая луна, и от её света всё вокруг казалось бледным и чужим. Было страшно, но остановиться она не могла, а чей-то шёпот без конца повторял одну фразу: «Не останавливайся».

Эля не видела, кто говорит, но от этого шёпота становилось чуточку легче. Иногда она чувствовала лёгкое прикосновение к плечу — словно кто-то на мгновение клал мягкую лапу и тут же убирал, чтобы не пугать. Она не оборачивалась: боялась, что если посмотрит, голос исчезнет, а тропинка растворится, и она проснётся, так и не дойдя до места, которое её звало.

Тропинка вывела на поляну. В самом центре лежала маленькая статуэтка чёрной кошки. Эля осторожно подняла её. Фигурка оказалась тёплой, будто долго лежала на солнце, хотя ночь была прохладной. Поверхность была гладкой, почти зеркальной, и в ней отражался холодный круг луны. Эля не знала почему, но поняла: эту вещь нужно забрать с собой. Пальцы чуть дрожали, когда она прижимала статуэтку к груди, боясь случайно выпустить её из рук.

Эля моргнула — и с удивлением поняла, что стоит посреди своей комнаты, чувствуя под босыми пятками прохладные половицы. На ней была обычная пижама, из окна лился лунный свет, а в ладонях она по-прежнему сжимала ту самую тёплую статуэтку. Девочка осторожно поставила фигурку на подоконник, прямо в серебристую полоску света. И в ту же секунду статуэтка исчезла. Вместо неё на подоконнике сидела большая чёрная кошка с густой блестящей шерстью, а её янтарные глаза светились, как два маленьких фонаря.

Эля отступила на шаг и даже протёрла глаза кулаками, не веря увиденному. И вдруг кошка чихнула. Громко, по-домашнему, так что даже воздух дрогнул:

— Апчхи!

Эля от неожиданности вздрогнула, а кошка снова чихнула:

— Апчхи!

— Ты… правда живая и чихаешь от лунного света? Или мне это всё ещё снится? — шёпотом спросила Эля, хихикнув и тут же прижав ладонь ко рту, словно боялась, что смех спугнёт чудо.

Чёрная кошка слегка фыркнула от неловкости, сердито дёрнула ухом и проворчала:

— Ой, ну слава луне! У меня все лапы затекли сидеть неподвижно! Уж не знала, сколько ещё ночей тебя на этой поляне ждать!

И тут кошка сладко потянулась — выгнула спину дугой, вытянула передние лапы вперёд, а задние чуть подогнула, сбрасывая тяжесть. Потом она машинально поднесла лапу к мордочке и уже хотела её облизать, но, спохватившись, замерла, смешно скосила глаза на Элю и медленно опустила лапу. Напустив на себя самый важный вид, она бодро встряхнулась и щёлкнула когтями по дереву:

— Всё, размялась. Теперь можно и мир посмотреть.

Эля часто заморгала и вдруг прыснула, а потом рассмеялась — искренне и звонко, прикрыв рот ладошками, чтобы не разбудить родителей за стеной.

— Посмотреть мир? Прямо сейчас? — шёпотом переспросила девочка.

— Конечно, чего тянуть, — покачала головой кошка и лукаво повела хвостом. — Пора нам с тобой из дома выбираться… Пойдём, увидишь всё своими глазами!

Кошка мягко спрыгнула на пол, сделала шаг к Эле и замерла, выжидающе наклонив голову. Эля, хихикнув, легко отскочила в сторону. Кошка скопировала её движение — и они закружились по комнате в весёлой игре: кошка делала выпад — Эля повторяла, кошка зами-

рала — Эля тоже застывала на месте, изо всех сил стараясь не расхохотаться вслух. Им даже не нужно было разговаривать, чтобы понимать друг друга без слов.

От этой возни Эля чуть запыхалась, и куда-то разом исчезла вся ночная тревога. Она смотрела на кошку так, словно они дружили уже сто лет и теперь вместе могли придумать всё что угодно.

Орику подошла ближе и легонько тронула её мягкой лапой за руку.

— Я рада, что ты не боишься. Я всегда была рядом, но теперь ты меня видишь…

Эля присела на корточки, чтобы оказаться с ней вровень, и спросила вполголоса:

— А как тебя зовут?

— Зови меня Орику. Это значит — «вышедшая из сердца», — кошка лениво повела хвостом и хитро прищурилась. — Я сидела там и ждала, пока ты наконец-то меня заметишь. Знаешь, в мире столько всего удивительного, а мы с тобой чуть не проспали все чудеса! *Guarda(«гуа́рда»)*, — Орику наклонила голову и кивнула на окно, где серебристый свет падал на пол. — Посмотри. Ночь распахнулась, а мы всё ещё здесь.

Её когти тихо щёлкнули по доскам, и Орику направилась к самому тёмному углу у двери, где тень уже начала плавно раздвигаться, открывая ослепительный, жаркий свет:

— Пошли скорее. Покажу тебе одно место, где солнце такое яркое, что хочется зажмуриться, а брусчатка поёт под ногами. А если вдруг оробеешь от этого огромного шумного мира, просто шепни себе: *Coraggio(«кора́джо»)*. Это значит — смелее. Ты у меня храбрая, я-то знаю.

Эля сделала шаг вперёд, ступая след в след за Орику. Тень в углу качнулась, раздвинулась, как тяжёлый занавес, и навстречу хлынул солнечный поток. Но сейчас Эле не было страшно. Важно было только одно: она шла не одна. Теперь рядом была Орику.

В самый последний миг, когда спальня окончательно растворилась в дневном тепле, кошка тихо замурлыкала:

— *Va bene(«ва бе́не»)*, маленькая. Всё хорошо. Мы с тобой всё увидим.

Глава 2

Глава 2. Весёлая песня на Солнечной площади

Эля сделала шаг вперёд — и ночной полумрак её комнаты исчез. Вокруг было столько яркого, жаркого солнца, что пришлось на секунду зажмуриться. Когда она открыла глаза, брусчатка под ногами оказалась удивительно тёплой. Она осторожно переступила с ноги на ногу, удивляясь чистому, звонкому стуку, и замерла, рассматривая этот новый мир.

Вместе с теплом на неё сразу обрушились густые, непривычные запахи. Пахло нагретым солнцем камнем, свежестью бьющей из фонтана воды, горьковатым жареным кофе и сочной, брызжущей лимонной коркой. От этого плотного, пряного воздуха кружилась голова.

Эля посмотрела вниз и ахнула: пижама исчезла. Теперь на ней было лёгкое зелёное платье с пышными воланами, которые колыхались при каждом движении, а на ногах — аккуратные коричневые туфельки с ремешками. Каштановые волосы рассыпались по плечам, а за ухом обнаружился маленький цветок с нежными лепестками цвета мёда. Эля осторожно потрогала его и потрясла головой — цветок сидел крепко и не думал падать. Она расправила юбку и довольно крутанулась на месте, проверяя, как весело взлетают воланы.

Площадь была огромной, шумной и совершенно живой. Между окнами вторых этажей были натянуты верёвки, на которых от ветра громко хлопало сохнущее бельё. Из распахнутых ставен с выгоревшей на солнце краской доносился перестук посуды, смех и обрывки громких разговоров. Слова вокруг звучали непривычно и певуче, как музыка, но Эля с удивлением заметила, что понимает всё до единого слова — будто знала этот язык всегда.

В самом центре, у каменного фонтана, собралась толпа. Протиснувшись поближе, Эля увидела уличных музыкантов: высокий парень в жилетке перебирал струны гитары, рядом юноша в широкополой шляпе выводил задорную трель на деревянной флейте, а между ними стояла девушка в яркой пёстрой юбке и пела. Голос у неё был звонкий, летящий — он легко перекрывал шум фонтана и гул голосов.

Эля замерла, глядя на девушку с таким восторгом, что даже забыла моргать. Вокруг музыкантов плотным кольцом стояли прохожие: кто-то прихлопывал в ладоши, кто-то пританцовывал на месте, и все смотрели только на певицу. У Эли вдруг сладко защемило под сердцем — так захотелось самой оказаться там, в самом центре этого весёлого круга, чтобы на неё тоже смотрели, улыбались и хлопали в ладоши.

И тут певица, поймав на себе этот горящий взгляд, вдруг улыбнулась прямо Эле. Она сделала шаг к краю круга, весело подмигнула девочке и протянула к ней свободную руку, приглашая подойти ближе.

У Эли разом перехватило дыхание. Ладошки сами собой прижались к животу, где всё мгновенно закружилось от волнения, а коленки предательски задрожали. Она невольно попятилась на полшага, чувствуя, как щёки заливает жар.

— Ой… нет, я не могу! — растерянно шепнула она, глядя себе под ноги на тёплую брусчатку. — Я же никогда перед людьми не пела! Совсем-совсем никогда! И слов этой песни не знаю!

Орику фыркнула, но в этом фырканье не было ни капли злости — только кошачий азарт и хитринка. Она легонько боднула Элю тёплым боком в ногу и мурлыкнула:

— Ладошки к животу прижала, глаза округлила — ну настоящая артистка перед выходом! Смелее! Тут поют для радости, а мелодия сама в ноги просится. *Coraggio*, маленькая!

Словно услышав кошку, высокий гитарист перехватил инструмент поудобнее и выдал задорный, прыгающий перебор. Юноша в широкополой шляпе тут же подхватил его высокой звонкой трелью деревянной флейты, а девушка в пёстрой юбке, не сводя с Эли тёплого взгляда,

сделала шаг навстречу и мягко взяла девочку за руку. Её ладонь оказалась тёплой, мягкой и нежной. Улыбнувшись, певица запела снова — чуть медленнее и чётче, будто специально давая Эле уловить каждое слово:

Sole, sole, luce doro,
Splendi sempre, non tardar!
Passo, passo, cuore leggero,
Canto forte: sono qua!
Ehi, ehi, guarda il cielo,
Ah, guarda! Tutto è vero!
Batti il tempo: tic-tac-tic,
Canta ancora, tra-la-la!

(«Со́ле, со́ле, лу́че до́ро, Спле́нди се́мпре, нон тардар! Па́ссо, па́ссо, куо́ре леджье́ро, Ка́нто фо́рте: со́но куа! Эи, эи́, гуа́рда иль че́ло, Ах, гуа́рда! Ту́тто э ве́ро! Ба́тти иль те́мпо: тик-так-тик, Ка́нта анко́ра, тра-ля-ля!» — «Солнце, солнце, золотой свет, Свети всегда, не медли! Шаг за шагом, сердце лёгкое, Пою громко: я здесь! Эй, эй, посмотри на небо, Ах, смотри! Всё по-настоящему! Отбивай такт: тик-так-тик, Пой ещё, тра-ля-ля!»)

Мелодия оказалась такой простой и заводной, что у Эли сама собой притопнула нога в коричневой туфельке. Страх никуда не делся, но от тёплой руки певицы стало намного спокойнее. Девочка глубоко вдохнула пахнущий лимонами воздух, крепче сжала протянутую ладонь и уверенно шагнула следом — прямо в центр круга.

Эля сначала только слушала, шевеля губами и повторяя про себя строчки, чтобы не сбиться. Потом набрала полную грудь тёплого воздуха и тихонько подпела. Девушка-певица ободряюще сжала её руку, и ровно в ту же секунду, как прозвучал собственный голос, вся робость куда-то пропала — будто её и не было! А когда Эля дошла до слова «guarda», то сама себе удивилась и весело хихикнула:

— Ах, *guarda*! Я же пою… прямо тут!

Голос сразу стал громким и чистым, а певучие слова теперь вылетали сами собой — легко и задорно. Эля отпустила руку певицы, расправила пышные зелёные воланы, притопнула туфелькой по нагретой брусчатке и запела во весь голос уже наравне с ней.

Гитарист подхватил их ритм, ударив по струнам ещё веселее, флейта зазвенела звонче. А в припеве Эля услышала ещё один забавный звук: это Орику сидела рядом и старательно стучала тяжёлым хвостом по камням — тук-тук-тук, точно отбивая такт.

Когда песня закончилась, люди вокруг заулыбались и захлопали. Кто-то весело крикнул:

— *Brava!(«бра́ва!» — «молодец!»)*

Гитарист одобрительно показал большой палец, а девушка-певица звонко рассмеялась и обняла Элю за плечи. Девочка раскраснелась, сердце бешено колотилось от гордости: вся площадь смотрела на неё и хлопала.

Орику подошла ближе, потёрлась пушистым боком о её ногу и довольно замурлыкала, хотя всё ещё пыталась казаться строгой:

— Ну вот, а ты боялась! Иногда достаточно одного шага, одной строчки и одного смешного «ах, *guarda*!».

— Я никогда не забуду эту песню, — тихо сказала Эля, прижимая ладонь к груди.

— Вот и отлично, — отозвалась Орику. — С таким голосом хоть на большую сцену выходи! Сама видела, как вся площадь замерла.

Гитарист подошёл к ним, присел на корточки перед Элей и с улыбкой протянул ей маленький букетик жёлтых полевых цветов:

— *Grazie, piccola(«гра́ци, пи́ккола» — «спасибо, малышка»)*. Давно у нас на площади так весело не пели!

Эля крепко сжала стебли в ладони. Солнечный свет заливал площадь, камни под ногами приятно грели подошвы, и внутри было так легко и празднично, что хотелось снова закружиться прямо на месте.

— Вот так и надо, — хитро прищурилась Орику, когда они медленно пошли прочь от фонтана, подставляя спины тёплому ветру. — Стоило только громко запеть и засмеяться — и вся площадь сразу стала твоей!

Эля улыбнулась и крепче прижала к себе жёлтые цветы. В животе вдруг настойчиво заурчало, напоминая, что со вчерашнего дня она ничего не ела. Девочка весело подмигнула кошке и предложила:

— Ну что, а теперь пошли перекусим чем-нибудь очень-очень вкусным!

Кошка одобрительно замурлыкала в ответ, высоко задрав хвост. Эля подпрыгнула и побежала вперёд по площади, размахивая букетом, а Орику вприпрыжку помчалась следом, едва поспевая за ней. Девочка громко напевала, предвкушая что-нибудь сладкое:

— *Sole, sole, luce doro…*

На самом углу узкого прохладного переулка, выходящего прямо на площадь, нашлась маленькая пекарня с полосатым навесом. Улыбчивый пекарь в высоком белом колпаке выглянул из-за прилавка, услышал знакомую мелодию, прищурился и всплеснул руками:

— *Mamma mia!(«ма́мма ми́а!» — «боже мой!»)*Да это же тот самый звонкий голосок с площади! Откуда ты приехала, *piccola*?

— Издалека, — важно ответила Эля и хитро покосилась на Орику. — А это моя главная помощница!

Пекарь рассмеялся и протянул Эле ещё тёплый, хрустящий круассан — политый белым шоколадом, с густым, кисло-сладким лимонным джемом внутри, — а для «главной помощницы» поставил на блюдце кусочек свежего сыра.

Когда круассан был съеден до последней крошки, а кошка тщательно умыла усы, Орику кивнула на густую тень под каменной аркой:

— Ну что, артистка, пора домой. Твоя кровать уже заждалась.

Они шагнули в прохладную темноту, и через миг под ногами снова привычно скрипнули половицы Элиной спальни. На ней опять была её обычная пижама, но в руке девочка по-прежнему сжимала жёлтый букетик, а за ухом всё так же крепко держался маленький цветок цвета мёда.

Эля на цыпочках подошла к столу, налила воды в стеклянную баночку и поставила туда жёлтые полевые цветы, а медовый цветок из волос бережно положила на книжную полку, чтобы не помялся.

Забравшись под одеяло, девочка улыбнулась в темноту:

— Спасибо тебе, Орику. Это была самая лучшая песня на свете.

Из тёмного угла донёсся довольный мурлыкающий голос:

— *Dolce notte, piccola(«до́льче но́тте, пи́ккола» — «сладкой ночи, малышка»)*. Спи, завтра я покажу тебе кое-что совсем другое.

Эля прикрыла глаза, вдыхая тонкий медовый запах цветов со стола, и сладко уснула.

Глава 3

Глава 3. Танец брызг и стая серо-голубых бабочек

Эля открыла глаза и обнаружила, что снова лежит в своей кровати. Она прекрасно выспалась — ни капли усталости, будто ночная прогулка по площади заняла всего один удар сердца. В комнате было прохладно, но щёки до сих пор горели от жаркого солнца площади, а в ушах всё ещё звенел приглашающий аккорд уличной гитары. Эля покосилась на стол: в стеклянной баночке с водой стоял вчерашний букетик жёлтых цветов, а рядом на полке лежал медовый цветок. Значит, всё было по-настоящему! В комнату тихонько, на цыпочках, вошла мама и поцеловала её в макушку:

— Готова к новому дню, солнышко?

Эля улыбнулась, зажмурившись. На душе было так легко, будто день заранее обещал быть хорошим.

На завтрак была каша с ломтиками банана, россыпью малины и ложкой мёда. В воздухе плыл уютный запах тёплого молока, ванили и золотистого, поджаренного на сковороде хлеба. Корочка у него хрустела, а серединка оставалась мягкой и горячей. Мама тихо напевала у плиты мелодию без слов, а в коридоре привычно и мерно тикали старые часы.

Собирая рюкзак, Эля аккуратно уложила пенал, книжку про лис и свой любимый серый камень из сада, похожий на свернувшегося щенка.

В школе всё шло как обычно. На перемене к ней подсела Софи. У неё были две смешные косички, торчащие в разные стороны. Софи была из тех девчонок, которые говорят всё, что думают, — просто и прямо, ни чуточки не стесняясь.

— Ты чего такая задумчивая? — спросила она, разглядывая рисунок Эли, где море было плотно заштриховано ярко-жёлтым карандашом. — Это закат или ты просто забыла синий карандаш?

— Это закат, — честно ответила Эля и улыбнулась. — Когда солнце низко садится, вода правда становится совсем золотой.

Софи прищурилась, разглядывая рисунок, и вдруг засмеялась. Она наклонилась ближе — от неё свежо пахло зелёным яблоком, которое она жевала на перемене, — и перекинула одну косичку на плечо:

— Золотая… А здорово! — Она с хрустом откусила ещё кусочек и, уже жуя, смешно пробубнила с набитым ртом: — Дабай я тебе помогу таику дорисобать, бон там, над болнами!

Они склонились над партой и вместе вывели в углу листа смешную, чуть кривоватую чайку. Девочки тихонько хихикнули, и звонок на урок заставил их быстро спрятать рисунок в папку.

Весь оставшийся день Эля только и гадала, куда они с Орику отправятся этой ночью. А вечером, когда за окном сгустились сумерки и дом постепенно затих, она забралась под одеяло, нетерпеливо поглядывая в тёмный угол.

Когда луна стала большой и жёлтой, как долька лимона, тень у стены шевельнулась. Орику пружинисто потянулась, выпустив когти, и её глаза хитро блеснули в полумраке:

— Ну что, Солнечную площадь ты уже покорила! Пора проверить, как ты дружишь с ветром и высотой. Я знаю один берег, где живёт мальчишка по имени Михо. Он мне однажды рыбу принёс — не самую крупную, зато свежую и жирную. Пойдём, у нас там сегодня отличное дело намечается!

Эля тихонько выбралась из-под одеяла и бодро шепнула:

— Я готова!

Орику нетерпеливо махнула хвостом:

— Только учти, там сыро и ветрено. Если окатит волной, я буду фыркать, потому что терпеть не могу мокрую шерсть, но нас это точно не остановит. *Promesso(«проме́ссо» — «обещаю»)*.

И тень перед ними раздвинулась, как тяжёлая дверь.

Они вышли на холодный каменистый берег. Дождя не было, но воздух оказался густым и солёным. Низкое серое небо висело над волнами, а море оглушительно ревело, разбиваясь о скалы облаками белых брызг. Мелкие ледяные капли сразу осели на щеках и ресницах Эли. Девочка глянула на себя и удивилась: вместо пижамы на ней теперь были удобные подвёрнутые штаны и тёплая вязаная кофта с закатанными рукавами, а ноги остались босыми. Пятки сразу почувствовали прохладную шероховатость скользких камней, и от этого огромного, бушующего простора у Эли захватило дух — после уютной тёплой площади этот мир казался диким и невероятно захватывающим.

— Ого, вот это ветер! — громко фыркнула Орику, брезгливо встряхивая лапой на обрызганном волной валуне. — Мокрые лапы — ерунда, зато какой простор! И Михо где-то совсем рядом.

От скал пахло водорослями и солью. Из-за каменного выступа навстречу им выскользнул мальчик в простой рубашке с закатанными рукавами — волосы у него были взъерошены ветром, а лицо обветрено. Михо тоже был босиком и держал в руке край свисающей со скалы верёвочной лестницы, верхний конец которой крепился высоко наверху к старому железному кольцу.

— Привет! — крикнул он, перекрывая грохот прибоя. — Ты пришла! Я Михо. Орику мне про тебя все уши прожужжала. Говорит, на площади ты здорово пела, а вот по скалам лазить ещё не пробовала.

— Привет! Я Эля! — крикнула она в ответ, придерживая лезущие в глаза волосы.

Орику задорно дёрнула хвостом:

— И вовсе я не жужжала! Просто забегала днём, пока ты в школе была, и похвасталась. А про скалы — сейчас сами проверим!

Михо усмехнулся и кивнул наверх, где в расщелине над обрывом прятался узкий уступ:

— Пойдём? Покажу место, где скалы прячут бабочек. Только придётся лезть вверх. Не струсишь?

— А разве бабочки живут в скалах? — удивилась Эля, задирая голову, но тут же мотнула головой: — Не струшу!

— Вот и отлично! И хорошо, что ты босиком — по перекладинам и мокрым уступам так куда цепче, не поскользнёшься. Лестницу ещё мой дедушка вязал. Он всегда говорил: «Если верёвки под тобой поскрипывают — значит, натянулись как надо, выдержат».

— А она точно не оборвётся? — переспросила Эля, осторожно пробуя ногой нижнюю перекладину.

— Ни за что! Она тут сто штормов пережила. Я полезу первым, а ты сразу за мной!

От каната густо пахло смолой и мокрой пенькой, будто он годами впитывал в себя морские ветры. Они начали подниматься по лестнице вдоль узкого ущелья. Эля крепко перехватывала жёсткие перекладины, улыбаясь от того, как лестница смешно покачивается и тихонько поскрипывает под ногами. А на последних метрах перед вершиной лестница закончилась, и дальше нужно было карабкаться прямо по узким влажным уступам.

Порыв штормового ветра рванул Элю за край кофты, внизу с грохотом разбилась о камни огромная волна, и девочка на секунду прижалась грудью к холодной скале, ловя равновесие. Босые пальцы крепко цеплялись за шершавые выступы, камень больно царапнул коленку и сбил кожу на пальце ноги, но Эля даже не подумала отступить — внутри распирали такой восторг и счастье от высоты, ветра и штормового моря, что хотелось кричать во весь голос.

Орику ловко прыгала по соседним уступам следом за ними, с интересом поглядывая вверх:

— Ну-ка, показывай своих бабочек, Михо! Не зря же мы сюда по таким камням карабкаемся!

— Ты просто не видела их в темноте! — крикнул Михо сверху, протягивая Эле руку у самого края. — Держись за выступ, мы почти наверху!

Эля потянулась вверх и коснулась ладонью верхнего уступа скалы. И в ту же самую секунду прямо из-под её пальцев, из тёмной расщелины в камне, с тихим шелестом взметнулась вверх целая стайка серо-голубых наскальных бабочек. В полумраке на их крылышках замерцали крошечные серебристые искорки.

Эля выбралась на карниз, перевела дух и замерла, запрокинув голову и глядя на серебристый вихрь крыльев. А потом рассмеялась — громко и звонко, перекрывая шум прибоя. Она невольно потянулась вверх, раскрыв ладошку, и одна из бабочек плавно опустилась прямо на её пальцы. Эля затаила дыхание, боясь пошевелиться, — крылышки мелко затрепетали, коснувшись кожи лёгким щекотным ветерком, и бабочка тут же вспорхнула обратно в стаю.

— Ого… Они и правда светятся! — восторженно выдохнула она, не в силах отвести глаз от мерцающих в темноте искр.

Михо довольно улыбнулся:

— Видишь, они здесь живут прямо в камне. А вон там, в углу, есть ещё кое-что.

В глубокой нише между камнями стояла старая плетёная корзинка, наполовину засыпанная сухим песком. На её краю болталась выцветшая от морской соли ленточка. От корзинки пахло сухим деревом, водорослями и ветром.

— Эту корзинку тут давным-давно кто-то оставил, — негромко сказал Михо. — Говорят, если положить в неё свой любимый камень и загадать желание, море его обязательно исполнит.

Эля достала из кармана свой серый камень-щенок, погладила его гладкий бок и аккуратно опустила на плетёное дно.

— Хочу, чтобы у меня появилась настоящая, живая собака, — прошептала она, крепко зажмурившись.

Внизу о скалу гулко ударила тяжёлая волна, обдав карниз прохладным солёным облаком. Эля открыла глаза и выдохнула — будто сняла с плеч тяжёлый рюкзак. Стайка бабочек всё ещё кружила над карнизом, осыпая воздух серебристой пыльцой.

Орику прижалась всем телом к камню, её зрачки расширились на весь глаз, а кончик хвоста нервно заходил из стороны в сторону. Было видно, что кошка из последних сил держит себя в лапах, но в последнюю секунду всё-таки не выдержала — подпрыгнула вверх и смешно щёлкнула лапой по воздуху, пытаясь поймать одну из мерцающих искорок. Промахнувшись, она мягко приземлилась на все четыре лапы, а встревоженная стайка тут же упорхнула обратно в расщелину скалы. Орику невозмутимо пригладила усы и заговорила самым спокойным голосом:

— Ладно, признаю. Бабочки и правда хороши. Я просто проверяла, не слишком ли сильный здесь ветер. И ты, Михо, не подвёл, отличное место показал. Только вот лестница у тебя всё равно скрипит так, будто сейчас развалится!

Михо притворился, что обиделся:

— Эй! Она не развалится! Эта лестница тысячу волн пережила и одного очень упрямого краба.

— Вот именно — краба она пережила, а спускаться по твоим уступам я всё равно буду сама, прыгая с камня на камень так ловко, как ни одному крабу и не снилось! — гордо фыркнула Орику, вскинув хвост.

Михо рассмеялся и первым начал спускаться по верхним уступам к верёвочной лестнице, подавая руку Эле. Спускаться оказалось даже веселее, чем лезть наверх: перекладины

привычно поскрипывали, а Орику и правда пронеслась вниз по камням быстрее всех, мягко приземлившись на гальку у самой воды. Когда Эля спрыгнула с последней ступеньки, Михо порылся в кармане и протянул ей маленькую гладкую ракушку с перламутровым краем:

— Держи на память. В ней всегда слышно море. Когда заскучаешь по нашему берегу, приложи её к уху — волны сразу отзовутся.

Эля сжала ракушку в ладони — та была совсем тёплой от его руки.

— Спасибо, — улыбнулась она.

— *Prego(«пре́го» — «пожалуйста»)*, — кивнул Михо.

Орику посмотрела на Элю, на Михо, на бушующее внизу море и радостно взмахнула хвостом:

— Ну что, желание загадали, по скалам полазили и даже под волну не попали! Пора возвращаться, на сегодня приключений хватит. *Andiamo(«андья́мо» — «пойдём»)*.

Эля обернулась к мальчику и звонко крикнула, перекрывая шум волн:

— Пока, Михо! Спасибо за бабочек!

— Пока, Эля! Заглядывайте ещё, я к следующему разу новую лестницу сплету — совсем бесшумную! — засмеялся он и широко помахал им вслед.

Тень у скалы снова распахнулась, и штормовой берег сменился тишиной спальни, лунным светом на полу и знакомым запахом дома. На Эле снова была её сухая пижама. Девочка нырнула под одеяло, сжимая в кулаке свой морской подарок. Она приложила ракушку к уху — и в тихом, ровном шуме прибоя послышался ласковый шёпот волн:

Dormi, piccola… Mare, sole…(«до́рми, пи́ккола… ма́ре, со́ле…» — «спи, малышка… море, солнце…»)

Эля улыбнулась в темноту и положила ракушку рядом на подушку:

— До завтра, Орику, — прошептала она, уже засыпая.

Тень у двери мягко шевельнулась:

— До завтра, *piccola*. Отдыхай, в следующий раз заглянем в одно совсем тихое место.

Глава 4

Глава 4. Поющая глина и невидимые формы

Ещё спускаясь по лестнице, Эля почуяла непривычный запах сбежавшего молока — у мамы на плите чуть прикипел ковшик. Такого на их кухне почти никогда не случалось. Эля сморщила нос и поскорее побежала вниз завтракать.

На столе уже стояла тарелка с горячей молочной овсяной кашей и ягодами черники, а мама как раз отвернулась к плите, чтобы убрать ковшик с огня. Стоило Эле сесть, как она неловко задела локтем край тарелки. Ложка со звоном улетела на пол, а каша плюхнулась прямо на стол, оставив на чистом платье яркие сине-фиолетовые пятна. Эля ойкнула, отпрянула и растерянно уставилась на испачканный подол. На глаза сразу навернулись слёзы — так обидно стало за испорченное платье и пролитый завтрак.

— Ой, осторожно! — мама сразу обернулась на звон и быстро подошла к столу, хватая по пути полотенце. — Ты не обожглась? Покажи руки!

Эля всхлипнула и покачала головой — каша успела чуть остыть, но платье и пол были заляпаны. Мама облегчённо выдохнула, присела рядом на корточки и принялась спокойно вытирать капли. От её неторопливых, уверенных действий досада внутри начала понемногу отступать.

— Ничего страшного, — негромко сказала мама. — Бывает. Беги к себе, переодень испачканное платье, а я пока всё здесь уберу и положу тебе новую порцию.

Эля шмыгнула носом и пошла наверх. В коридоре половицы привычно скрипнули под ногами — этот знакомый звук всегда успокаивал. В комнате пахло старыми книжными переплётами, а в приоткрытое окно тянуло свежим, чуть горьковатым ароматом дикой розы, которая густо увивала старую беседку в саду.

Эля переоделась, присела за стол и решила нарисовать чёрную кошку с большими янтарными глазами, чтобы прогнать плохое настроение, но стоило сильно нажать на карандаш, как грифель с сухим хрустом отломился.

— Ну вот опять! — сердито выдохнула она, бросила карандаш рядом с альбомом и пошла вниз доедать завтрак.

После завтрака Эля ушла в свой тайный штаб в беседке, но и там ничего не заладилось. Она целый час старательно выводила акварелью парусник в синем море, а когда потянулась за кисточкой, задела локтем баночку с водой — грязная лужа мгновенно расплылась по всему листу и превратила рисунок в мутное пятно. У Эли задрожали губы: она резко вырвала испорченный лист, скомкала его и захлопнула альбом.

Выбравшись из беседки, Эля долго бродила по саду, пиная носком туфельки мелкие камушки. Настроение испортилось окончательно: ни рисовать, ни собирать сокровища больше не хотелось, и она даже отказалась помогать маме перебирать ягоды на веранде.

После ужина в доме быстро стемнело. Когда за окном сгустились сумерки и внизу стихли шаги, Эля первой ушла к себе, забралась под одеяло, выдохнула и взяла с тумбочки подаренную Михо ракушку.

Эля приложила её к уху. Тишина ночной комнаты тут же наполнилась ровным шелестом прибоя, а следом послышался знакомый ласковый шёпот волн. Девочка закрыла глаза, вслушиваясь в морской перелив, и почувствовала, как усталость и досада за весь неудачный день наконец отпускают.

В этот миг густая тень в углу комнаты привычно шевельнулась, и в лунном свете блеснули два янтарных глаза. Оттуда донёсся насмешливый голос:

— Ну что, Эля, все карандаши переломала, пытаясь нарисовать мою красоту? Пойдём-ка туда, где ничего не порвётся и не разольётся — там глина сама под ладонями поёт.

Эля приподнялась на локте и тихо вздохнула:

— А если я и там всё испорчу? — спросила она, сжимая в руке ракушку. — У меня сегодня весь день ничего не получается.

— А ты не пытайся сразу сделать идеально, — фыркнула Орику, и тень в углу раздвинулась, открывая проход. — В гончарной мастерской без кривых лепёшек вообще не бывает. Давай, шагай!

Эля выбралась из-под одеяла, осторожно положила ракушку обратно на тумбочку — на перламутровом крае тут же блеснул лунный луч — и шагнула в прохладную тень.

Когда тень сомкнулась за спиной, её сразу накрыл плотный, незнакомый запах: пахло сырой речной глиной, влажной землёй, старым деревом и нагретым камнем. Так пахнет только там, где вещи создают руками. Пижама исчезла — теперь на Эле поверх простого рабочего платья с короткими рукавами был надет грубый льняной фартук, а босые ступни приятно почувствовали прохладные деревянные половицы.

В центре просторной мастерской стояли два гончарных круга, а рядом, на дубовом столе, лежали тяжёлые влажные комья серой глины. За одним из кругов сидел мужчина с добрыми, внимательными глазами. Его руки по локоть были перепачканы серым. Он плавно толкал ногой нижний деревянный диск, и глиняный ком под его ладонями послушно тянулся вверх, превращаясь в высокий кувшин.

— Привет, Эля, меня зовут Энцо, — негромко сказал он, не отрываясь от работы. — Орику предупредила, что вы заглянете. Садись за соседний круг, попробуй сама. Возьми кусок глины, прижми его по центру, окуни ладони в миску с водой и легонько обхвати ком с боков.

— Здравствуйте, — вежливо отозвалась Эля, с любопытством оглядывая мастерскую.

Она села за свободный круг, прижала влажный кусок глины по центру, смочила пальцы в миске с водой и толкнула ногой тяжёлый нижний диск. Деревянный круг закрутился. Глина была прохладной и скользкой, но стоило кругу набрать скорость, как Эля от волнения слишком крепко сжала ладони — ком дёрнулся вбок, вырвался из пальцев и с глухим шлепком расплылся в кривую лепёшку.

Эля растерянно замерла, глядя на перепачканные ладони:

— Ой… Я же говорила! Она вся кривая! У меня совсем не получается удержать её…

Орику, с комфортом устроившаяся на тёплой каменной лежанке у печи, лениво потянулась:

— Вот без этого шлепка вообще ни один мастер не начинал. *Non aver paura(«нон авéр пауýра» — «не бойся»).*

Мастер Энцо тепло улыбнулся и остановил её круг рукой:

— Ты слишком сильно зажала ладошки. Глина не любит, когда на неё давят — она любит, чтобы её гладили. Давай попробуем ещё раз, только не спеши.

Он снял кривую лепёшку, положил в центр диска свежий ком глины, слегка смочил его водой и снова раскрутил нижний диск ногой.

— Приложи ладони с боков, а я помогу поймать ритм, — негромко сказал Энцо и осторожно накрыл её перепачканные пальцы своими большими тёплыми руками. — Не старайся ничего исправить. Просто почувствуй, как круг крутится сам.

— Хорошо, я попробую, — тихо отозвалась Эля.

Она глубоко выдохнула, опустила плечи и прикрыла на секунду глаза. В мастерской было тихо, только ровно шуршал деревянный диск и пахло сырой землёй. Под тёплыми, уверенными ладонями мастера ком перестал вырываться. А когда Энцо тихонько убрал свои руки, Эля уже сама мягко придерживала глину — и та послушно потянулась вверх. Девочка открыла глаза и с удивлением смотрела, как бесформенный комок прямо у неё в пальцах превращается в ровные округлые стенки.

Орику тихонько замурлыкала на своей лежанке, и её хвост мерно застучал по тёплому камню в такт вращению круга. Под этот ровный стук в голове у Эли сама собой зазвучала простая песенка:

Gira, gira, non fermarti,
La mia mano trova la forma.
Senza regole, senza fretta,
Il mio cuore batte forte.

(«Джи́ра, джи́ра, нон ферма́рти, Ла ми́а ма́но тро́ва ла фо́рма. Се́нца ре́голе, се́нца фре́тта, Иль ми́о куо́ре ба́тте фо́рте» — «Крутись, крутись, не останавливайся, Моя рука находит форму. Без правил, без спешки, Моё сердце бьётся сильно».)

Энцо осторожно остановил диск, помог Эле прикрепить сбоку маленькую изогнутую ручку и аккуратно перенёс кружку на деревянную дощечку. Эля посмотрела на неё и ахнула от восторга — пусть она вышла чуть кривоватой и со следами пальцев на боках, но для Эли она была самой настоящей и красивой!

— *Bravissima(«брави́ссима» — «умница»)*, *piccola*! — похвалил Энцо и протянул ей тонкую деревянную палочку и кусочек глины поплотнее. — А теперь укрась её по-своему. Только придерживай стенку изнутри, чтобы не помять.

Эля обрадовалась — про утренние неудачи она уже и думать забыла. Отщипывая кусочки глины, она скатала маленький лимончик и пару листиков, прорисовала палочкой тонкие прожилки и осторожно прикрепила их сбоку, придерживая кружку изнутри свободной рукой.

Когда последняя деталь встала на место, Эля отодвинулась и с гордостью оглядела свою работу.

— Мы оставим её здесь сушиться и обжигаться в печи, — сказал Энцо, убирая дощечку на высокую полку. — А когда заглянешь в следующий раз, она уже будет готова.

Эля сполоснула вымазанные в глине пальцы в большом тазу с водой, вытерла их о льняной фартук и повернулась к мастеру:

— Спасибо вам большое, Энцо! Мне очень понравилось! До свидания!

— До встречи, маленькая мастерица, — тепло махнул ей рукой Энцо.

Орику спрыгнула с тёплой лежанки, и они вместе шагнули обратно в густую тень у двери. Через миг за спиной снова тихо скрипнули половицы, и они оказались в тёмной спальне. Фартук остался в мастерской, на Эле снова была её сухая пижама. Девочка юркнула под тёплое одеяло, чувствуя приятную усталость в пальцах.

Орику тихо мурлыкнула из угла:

— *Va bene*, маленькая. Настоящие вещи получаются только тогда, когда не боишься испачкать лапки и сделать кривую лепёшку. Отдыхай, мастерица. *Dolce notte*!

Эля улыбнулась в темноту, взяла с тумбочки ракушку Михо и прижала к уху. В тихом шуме морского прибоя снова послышался знакомый ласковый шёпот волн, и под этот ровный перелив девочка крепко уснула.

Глава 5

Глава 5. Маленький Кикко и лесные следы

Утро началось с тихого, незнакомого поскуливания и весёлого цоканья коготков по комнате. Эля приоткрыла глаза и увидела, что у её кровати стоят мама с папой, а рядом на коврике примостилась большая плетёная корзинка с мягким пледом.

Из корзинки уже успел выбраться рыжий пушистый комок с белой грудкой и большими висячими ушами. Щенок неуклюже перебирал короткими лапками по половицам, вилял хвостиком и тоненько тявкал.

— Сюрприз, солнышко! — сказал папа. — Помнишь, ты всё мечтала о собаке? Вот, знакомься!

У Эли от восторга перехватило дыхание. Она выскочила из-под одеяла и с разбегу бросилась обнимать сразу и маму, и папу, звонко смеясь:

— Правда мой?! Совсем-совсем мой?! Спасибо, спасибо вам большое!

Папа засмеялся, подхватил её на руки и опустил на коврик рядом с корзинкой. Эля села на колени и осторожно протянула ладонь. Щенок тут же ткнулся в неё холодным влажным носом и принялся лизать пальцы. Тот самый рыжий щенок с большими ушами — точь-в-точь как на рисунке в её альбоме!

— Ой, какой он тёплый! — выдохнула она. — А как его зовут?

— Имени у него ещё нет, придумай сама, — ответила мама, садясь рядом на коврик и погладив Элю по голове.

Эля подхватила непоседливого малыша на руки и крепко прижала к себе. Щенок тут же завозился, смешно засопел и принялся облизывать ей щёку. Эля засмеялась, зарылась носом в мягкую шерсть за его ухом, вдохнула тёплый, ни с чем не сравнимый запах щенка и прошептала:

— Кикко! Тебя будут звать Кикко!

— Отличное имя, — одобрил папа, потрепав щенка за ухо. — Ну что, пошли на кухню, пора кормить нашего нового жильца.

Едва они спустились по лестнице, как почуяли знакомый домашний аромат — на кухне пахло тёплой сдобой и корицей. Посреди стола стояла большая тарелка с румяными, ещё горячими булочками, которые мама испекла с самого утра, и три высокие кружки с какао.

— Ой, булочки! — обрадовалась Эля, усаживаясь за стол. — У нас сегодня настоящий праздник!

— Конечно, — кивнула мама, ставя на пол у стола две новенькие мисочки — для воды и для щенячьего завтрака.

Кикко сразу сунул в еду весь свой чёрный нос, фыркнул и принялся с аппетитом чавкать, так что даже кончики ушей задрожали. Эля откусила мягкую, пахнущую корицей булочку, запила сладким какао и сидела, болтая ногами, не в силах отвести глаз от малыша.

— Только помни, хозяйка, — весело предупредила мама, присаживаясь рядом, — заботиться о Кикко теперь будешь ты: следить за свежей водой, вовремя кормить и не оставлять его одного в саду.

Эля важно кивнула:

— Я буду очень стараться! Я уже совсем большая.

— А если что-то не будет получаться, мы с мамой всегда подскажем, — подмигнул папа.

— Спасибо, пап! Мы с Кикко обязательно справимся.

Весь день Эля не отходила от щенка ни на шаг. Познакомив его со своим старым плюшевым медведем, которого Кикко сразу принялся таскать за ухо по полу, неуклюже разъезжаясь короткими лапками на скользких половицах, она и сама не заметила, как пролетело утро.

После обеда Эля вынесла малыша погулять в сад. На траве Кикко сразу принялся юлой кружиться на месте, пытаясь поймать собственный хвостик, а потом погнался за мохнатой пчелой и чуть не сунул любопытный нос прямо в колючие кусты дикой розы у беседки, так что Эле приходилось всё время быть начеку. К вечеру малыш так набегался на свежем воздухе, что, едва добравшись до своей корзинки у Элиной кровати, сладко зевнул, положил мордочку на лапы и крепко уснул.

Когда дом затих и в окно заглянул тонкий серебристый месяц, густая тень в углу комнаты привычно шевельнулась. Из темноты бесшумно вышла Орику, но на полпути вдруг замерла, принюхалась и уставилась на корзинку у кровати.

Кикко во сне смешно дёрнул ухом и тихонько тявкнул.

Орику застыла, медленно подняла переднюю лапу, трагически прикрыла ею глаза и тяжело, на всю комнату вздохнула:

— *Mamma mia, un cane…(«ма́мма ми́а, ун ка́не» — «боже мой, собака…»)*Только этого мне не хватало.

— Не ворчи, Орику, он совсем маленький и добрый! — шёпотом заступилась Эля, присаживаясь на край кровати. — Его зовут Кикко. Он будет спать дома, пока нас с тобой нет.

— *Chicco(«ки́кко» — «зёрнышко»)…* Зёрнышко, значит, — фыркнула кошка, убирая лапу от мордочки и дёрнув кончиком хвоста. — Ну конечно, рыжий колобок на коротких лапках. Ладно, пусть дрыхнет, раз так умаялся. Собирайся, сегодня мы пойдём туда, где растут самые старые деревья на свете.

Орику повернулась к углу и широким взмахом хвоста распахнула густую тень. Но не успела Эля даже встать с кровати, как Кикко открыл глаза, весело тявкнул и выскочил из корзинки знакомиться. Он тут же подскочил к Орику, попытался цапнуть её за пушистый чёрный хвост, а когда кошка возмущённо фыркнула и отскочила в сторону, учуял незнакомый запах хвои и влажной земли и со всех лапок кубарем нырнул прямо в открытую тень!

— Кикко, стой! — ахнула Эля и бросилась за ним.

— Ну вот, началось! — закатила глаза Орику и прыгнула следом.

Тень сомкнулась за спиной, и ночная спальня исчезла — здесь, за порогом, стоял тёплый солнечный полдень. Вокруг высились старые, раскидистые деревья с широкими стволами, покрытыми мягким мхом. Их ветви уходили ввысь, сплетаясь в густой зелёный шатёр, а корни, словно узловатые мосты, стелились по земле. Воздух пах смолой, прелой листвой и прохладной лесной сыростью. Эля на бегу глянула вниз и заметила, что вместо пижамы на ней теперь удобное льняное платье с вышивкой по подолу, а на ногах — мягкие кожаные полусапожки, в которых совсем не страшно ступать по сухим веткам и шишкам.

Но щенка нигде не было видно — под ногами расстилался только плотный зелёный ковёр, ни рыжего хвостика, ни смешных ушей рядом.

— Кикко! Кикко, ко мне! — позвала Эля, тревожно оглядываясь по сторонам.

В ответ раздался только тихий шелест папоротника где-то в глубине чащи, и всё стихло. Сердце у Эли испуганно ёкнуло.

— Орику, он убежал! — растерянно повернулась она к кошке. — Найди его, пожалуйста, как ты всегда находишь меня!

Орику досадливо махнула хвостом:

— Тебя-то я всегда чувствую, *piccola*— мы же с тобой заодно. А этот ушастый проказник сам по себе, здесь я его не чую.

Эля шагнула в высокую траву и изо всех сил закричала:

— Кикко! Иди сюда!

От её крика с ветки над головой с громким хлопаньем крыльев сорвалась большая лесная птица, с еловой лапы посыпалась сухая хвоя, а в кустах кто-то испуганно зашуршал и скрылся. Вокруг по-прежнему шумели верхушками старые деревья, где-то вдали постукивал дятел и тонко пересвистывались птицы, но ни звонкого тявканья, ни шороха маленьких лапок слышно не было.

Куда ни глянь, стеной стояли высокие стволы, а под ногами расстилалось бесконечное море папоротников и густой травы. Ни тропинки, ни дорожки. У Эли задрожали губы, и к горлу подкатил горький ком: ведь она только утром обещала маме с папой, что не спустит с малыша глаз, а сама упустила его в первый же день!

Она глубоко вздохнула, вытерла ладонью мокрые щёки и заставила себя не реветь, а смотреть внимательнее — так, как она всегда искала в саду жуков и улиток. Опустившись на корточки прямо у кромки папоротника, Эля пригляделась к зелёному ковру: на упругой траве следов не оставалось, но на широких листьях были сбиты капельки росы, а чуть дальше валялась сдвинутая с места еловая шишка.

— Смотри, Орику, кто-то пробежал туда! — тихо сказала Эля и осторожно двинулась на негромкое журчание воды.

Через несколько шагов деревья расступились, открыв узкий лесной ручеёк. На тёмной влажной земле у самой воды и правда виднелись отпечатки лап!

— Нашла! Вот его следы! — обрадовалась Эля, присаживаясь у берега.

— Не спеши радоваться, следопыт, — раздался вдруг негромкий, звонкий голос откуда-то сверху. — Присмотрись к ним получше.

Эля подняла голову. На толстой, бархатистой от зелени ветке старого дуба сидела девочка примерно её лет, в простой льняной рубашке и коротких штанишках до колен. Из её растрёпанной русой косы торчала тонкая веточка брусники, а босые пятки были перепачканы землёй.

Девочка легко спрыгнула вниз, даже не хрустнув ни одной веткой, и с любопытством посмотрела на Элю и чёрную кошку.

— Я Сильвия, — представилась она и присела рядом у воды. — Эти следы длинные и узкие — так прыгает лесной заяц. А кого вы тут потеряли?

— Здравствуй, Сильвия. Меня зовут Эля, — ответила девочка, с досадой разглядывая заячьи отпечатки. — У меня убежал щенок! Совсем маленький, рыжий, с большими ушами. Он выскочил сюда первым, и я не успела его догнать…

— Любопытный колобок на коротких лапках, — буркнула Орику, садясь на широкий корень и аккуратно оборачивая лапы пушистым хвостом. — Сунул свой нос куда не просят и ускакал.

Сильвия улыбнулась и показала пальцем вдоль берега:

— Не расстраивайся, ты и так правильно вышла к ручью — здесь земля мягкая, всё покажет. Но нам нужны круглые, частые отпечатки маленьких лапок. Поищи чуть правее, у старого пня.

Эля затаила дыхание, внимательно разглядывая влажную землю вдоль берега. И правда: чуть правее старого пня тянулась цепочка маленьких круглых отпечатков, а рядом виднелась крошечная царапина на мокрой коре.

— Вот они! Настоящие! — воскликнула Эля, вскакивая на ноги. — Совсем крошечные, круглые — точь-в-точь как у Кикко!

Девочки тихонько двинулись вдоль цепочки следов по мягкой земле, стараясь ступать осторожно. Орику неслышно скользила следом по узловатым корням, внимательно прислушиваясь к каждому шороху. Цепочка следов виляла вдоль ручейка и оборвалась у огромного поваленного ствола, укутанного толстой зелёной шубой.

Эля растерянно остановилась — дальше следов не было.

— А куда теперь? — шёпотом спросила она.

— А теперь прислушайся, — тихо подсказала Сильвия, приложив палец к губам. — Замри и послушай лес.

Эля замерла. Сначала она слышала только шелест листьев высоко над головой и тихое журчание ручейка. Но через секунду из-под корней поваленного дерева донеслось едва слышное, жалобное сопение и тоненькое поскуливание.

Орику первой повела ухом, облегчённо фыркнула и махнула хвостом в сторону корней:

— *Eccolo!(«э́кколо!» — «вот он!»)*Забрался в самую глубь и застрял, ушастый исследователь! Иди скорее, *piccola*, выручай его.

Эля бросилась на звук, встала на колени у самого ствола и заглянула в глубокую ямку под вывернутыми корнями. Там, увязнув лапками в рыхлой земле и опавшей хвое, сидел перепуганный грязный Кикко. Его чёрный нос был весь в земле, а на одном ухе висела сухая колючка. Увидев Элю, щенок радостно тявкнул и изо всех сил замахал хвостиком.

— Кикко! Малыш мой! — выдохнула Эля, осторожно вытащила щенка из ямки и крепко прижала к груди.

Кикко тут же принялся облизывать ей подбородок, щёки и нос, смешно сопя от радости. Эля засмеялась — тревога сразу отпустила — и погладила его мягкие, тёплые уши.

— Вот видишь, получилось! — улыбнулась Сильвия. — Когда смотришь внимательно и не суетишься, лес всегда помогает.

— Спасибо тебе огромное, Сильвия! — искренне поблагодарила Эля, прижимая к себе дрожащего малыша. — Без тебя я бы ни за что не отличила его следы от заячьих. Только посмотри, какой он чумазый!

— Это легко поправить, — засмеялась Сильвия и кивнула на лесной ручеёк, который звонко бежал между гладкими камнями в паре шагов от них. — У нас тут самая чистая вода во всём лесу.

Эля опустилась на колени у самого берега, зачерпнула пригоршню прохладной, прозрачной воды и принялась осторожно умывать щенку мордочку, грудку и лапки. Кикко сначала крепко зажмурился и фыркнул, а потом понял, что совсем не страшно, и принялся ловить языком холодные капли. Стоило Эле отпустить его на траву, как малыш со всех сил встряхнулся — во все стороны полетели брызги!

Сильвия звонко засмеялась, Эля тоже не удержалась от смеха, а вот Орику, которую обдало целым облаком воды, возмущённо встряхнулась, фыркнула и принялась тщательно отряхивать мокрые усы:

— *Mamma mia!*Мало того что он распугал пол-леса, так теперь ещё и устроил тут целый ливень!

— Он просто отряхнулся, Орику! — рассмеялась Эля, снова беря чистого и довольного Кикко на руки. — Ну что, теперь покажешь те самые старые деревья?

Орику перестала умываться, хитро прищурилась:

— Пойдёмте, я хотела показать тебе главный дуб этого леса.

Сильвия оживилась и пошла впереди, ловко переступая через толстые узловатые корни:

— К Старому Дубу? Я провожу! Он совсем недалеко, за папоротниками.

Они прошли по узкой лесной тропинке, где сквозь густые ветви сверху струился мягкий, золотистый свет, и вышли на круглую светлую поляну. Посреди неё рос дуб такой ширины и высоты, что у Эли снова захватило дух. Его толстая кора была вся в глубоких трещинах, а густые ветви усыпаны желудями. По стволу и веткам деловито прыгали пушистые рыжие белки — они ничуть не испугались гостей и только с любопытством поглядывали сверху. Вся поляна вокруг пестрела яркими цветами, воздух был наполнен их сладким ароматом, а над лепестками тихо жужжали пчёлы и шмели.

— Как здесь красиво… — прошептала Эля, оглядываясь по сторонам. — И совсем не страшно.

— Это сердце нашего леса, — негромко сказала Сильвия, присаживаясь на широкий, тёплый от солнца корень. — Старый Дуб пережил тысячи ветров и бурь. Если приложить к его коре ладонь, внутри сразу становится тихо и ясно.

Эля осторожно прижала свободную ладонь к тёплой, шершавой коре. Под пальцами и правда чувствовалось едва уловимое тепло — словно дерево тихонько дышало. Эля закрыла глаза, послушала шелест листьев над головой и в этом тихом переборе ветра услышала ласковый лесной шёпот:

Piano, piano, guarda il sentiero,

Il bosco ricorda chi ha il cuore vero.

(«Пья́но, пья́но, гуа́рда иль сеньтье́ро, Иль бо́ско рико́рда ки а иль куо́ре ве́ро» — «Тихонько, тихонько, смотри на тропинку, Лес помнит того, у кого верное сердце».)

Эля улыбнулась. Кикко у неё на руках тоже притих, положил мордочку ей на плечо и сладко зевнул.

В это мгновение наверху, среди густых листьев, мелькнул пушистый рыжий хвост, ветка тихо качнулась, и прямо в траву у полусапожка Эли упал гладкий, блестящий жёлудь с аккуратной резной шапочкой.

Орику подошла, легонько подтолкнула его лапой к Эле и улыбнулась:

— Вот видишь, *piccola*, Старый Дуб сделал тебе подарок. Возьми его с собой на память о вашем первом совместном приключении.

Эля подняла тёплый, крепкий жёлудь, бережно сжала в кулаке и прошептала:

— Спасибо! Я положу его на тумбочку рядом с ракушкой Михо.

— А теперь нам пора домой, — кошка поднялась и потянулась, выгнув спину. — Для первого раза нашему малышу хватит приключений.

— До свидания, Сильвия! Спасибо тебе за помощь и за прогулку, — тепло попрощалась Эля.

— Приходите ещё, Эля! И ты приходи, Кикко, когда научишься не убегать, — помахала им рукой лесная девочка, улыбаясь.

Орику тихо фыркнула, распахнула взмахом хвоста густую тень у ствола Старого Дуба и строго глянула на Элю:

— Держи своего щенка крепче, *piccola*, чтобы он снова не ускакал вперёд нас.

Эля покрепче обхватила Кикко обеими руками и вместе с кошкой шагнула в прохладную темноту. Через миг под ногами снова привычно скрипнули половицы её комнаты, а вместо льняного платья на ней снова была её обычная пижама.

Эля осторожно опустила уже высохшего сонного щенка в плетёную корзинку на мягкий плед, положила жёлудь на тумбочку рядом с ракушкой Михо и забралась под одеяло. Кикко сладко зевнул, ткнулся чистым чёрным носом в край корзинки и тут же засопел.

Из тёмного угла донёсся тихий, чуть насмешливый голос Орику:

— *Va bene*, *piccola*. За таким непоседой нужен глаз да глаз. Но сегодня ты справилась. Спи, *dolce notte*.

Эля улыбнулась в темноту, взяла с тумбочки ракушку, послушала тихий шелест прибоя и, чувствуя, как рядом мирно посапывает Кикко, спокойно закрыла глаза.

Глава 6

Глава 6. Первый снег, клятва у потайного входа и подземные сверчки

Целый день Эля и Кикко были неразлучны. Утром они вместе устроились в тайном штабе в беседке — Эля лежала на деревянном полу и рисовала в альбоме, а щенок деловито грыз старую перчатку и сладко сопел у неё под боком. После обеда они вышли в сад учиться гулять на новенькой синей шлейке: Кикко уже не путался в лапках, гордо семенил по дорожке и только изредка останавливался обнюхать опадающие с деревьев жёлтые листья.

Когда после ужина дом наконец затих и в окно заглянул месяц, малыш даже не думал валиться с лап от усталости — он сам уселся у тёмного угла спальни, навострил уши и нетерпеливо завилял коротким хвостиком.

Орику бесшумно вышла из полумрака, покосилась на щенка и многозначительно вздохнула:

— *Mamma mia*, у нас, кажется, появился добровольный проводник. Ну что ж, раз этот рыжий колобок так рвётся в дорогу, проверим, как он справится с крутым горным склоном.

Кошка повела хвостом, и тень у двери плавно раздвинулась. Эля пристегнула к шлейке поводок и крепко взяла его в руку, чтобы Кикко снова не ускакал вперёд, а затем первой шагнула в прохладную темноту.

Через миг под ботинками мягко заскрипел свежий, только что выпавший первый снег. Вокруг поднимался крутой склон таёжной сопки, где мохнатые лапы кедров и елей были припорошены белым пухом, а с низкого светлого неба медленно кружились крупные снежинки. На Эле теперь была тёплая походная куртка, утеплённые штаны, шнурованные ботинки, варежки и мягкая вязаная шапочка.

— Ой, снег! Настоящий первый снег! — ахнула Эля, отпустила поводок и, не удержавшись, с разбегу плюхнулась спиной в сугроб, раскинув руки и ноги, чтобы сделать снежного ангела.

Кикко пришёл в полный восторг: он тут же нырнул головой в рыхлый снег рядом, фыркнул, вынырнув с белой шапкой на носу, и принялся ловить снежинки на лету.

Орику сначала напустила на себя самый строгий и невозмутимый вид. Она уселась на утоптанный край тропинки, изо всех сил стараясь показать, что солидным кошкам такие глупости не по чину. Но янтарные глаза так и загорелись при виде летающих хлопьев, а кончик хвоста предательски задёргался. Не выдержав, Орику грациозно подпрыгнула, мягко плюхнулась в сугроб следом за Кикко, вынырнула с белой снежинкой на самом кончике носа и с самым важным видом заявила:

— *Che meraviglia!(«ке мерави́лья!» — «какое чудо!»)*Я просто проверяла глубину снега, чтобы вы там не застряли! Ну что, навалялись? Пора наверх!

Эля весело рассмеялась, отряхнула варежки и снова подхватила поводок Кикко:

— Куда нам дальше, главный проверяющий?

— Вон туда, к самому гребню сопки, — кивнула кошка вверх и ловко поскакала по присыпанному снегом валежнику, то и дело с удовольствием подбрасывая лапой белые комья.

Подъём оказался крутым. Кикко пыхтел, пробирался по снежной тропке на своих коротких лапках и то и дело останавливался, чтобы обнюхать очередную шишку. Наконец, когда деревья расступились у высокой серой скальной стены, Эля растерянно остановилась:

— Орику, мы упёрлись прямо в гору! Дальше дороги нет…

— А нам дальше и не надо — нам внутрь, — хитро прищурилась кошка. — Подойди ближе и загляни за тот выступ.

И правда: в глубокой расщелине скалы, почти незаметной снаружи за заснеженными ветками, чернел узкий проём, из которого тянуло ровным, влажным дыханием подземелья. Рядом на плоском валуне сидел паренёк в тёплой куртке и сверял что-то по бумажной карте. Увидев гостей, он приветливо улыбнулся:

— Привет! Я Лука. Орику сказала, что вы заглянете посмотреть наше подземное озеро. Ты ведь первый раз под землю спускаешься?

— Привет, Лука! А я Эля, — спохватилась девочка и заглянула в тёмный проём. — Под землю — совсем первый!

— Тогда без клятвы юного спелеолога я тебя туда не пущу, — сказал Лука, пряча улыбку. — Под землёй свои законы. Повторяй за мной: обещаю беречь тишину пещеры, не отступать перед тесным ходом и не пугать тех, кто спит в темноте.

Эля выпрямилась, приложила варежку к сердцу и звонко повторила:

— Обещаю беречь тишину пещеры, не отступать перед тесным ходом и не пугать тех, кто спит в темноте!

— Отлично! — кивнул Лука. — Идёмте за мной. Сначала будет узкий лаз — мы называем его «шкуродёр», потому что приходится ползти на животе, прижимаясь к стенам. Не пугайся, он короткий, а сразу за ним откроется большой зал.

Эля сняла варежки, убрала их в карман, отстегнула поводок от шлейки, чтобы малыш не запутался в тесноте, и Лука первым нырнул в узкую щель. Следом, прижав уши и виляя хвостом, с радостным сопением полез Кикко — для его коротких лапок низкий свод оказался в самый раз. А вот когда в ход, подсвеченный слабым, призрачным отблеском из глубины пещеры, забралась Эля, сердце у неё вдруг застучало чаще.

Свод навис прямо над самой макушкой, стены сжимали плечи с обеих сторон, а снизу холодил влажный камень. На полпути стало совсем тесно и не по себе — захотелось зажмуриться и попятиться назад, на волю, к соснам и снегу. Эля замерла, чувствуя, как сбивается дыхание.

И в эту секунду прямо у её уха раздалось спокойное, ровное мурлыканье. Орику мягко продвинулась рядом в темноте и ткнулась влажным носом ей в щёку:

— *Piano, piccola.* Дыши медленно, ты же только что дала клятву. Ещё три шага на локтях — и мы на просторе. *Coraggio.*

Эля сделала глубокий вдох, выдохнула, вспомнила своё обещание и перехватила руками холодный выступ впереди. Она даже не заметила, как больно стукнулась коленкой об острый камень — раз, два, три, и тесные стены вдруг расступились!

Она выпрямилась в полный рост и замерла от удивления. Они стояли в высоком просторном гроте, где было светло без всяких фонарей: в стены и своды вкраплялись светлые полупрозрачные кристаллы, источавшие мягкое, серебристо-золотистое сияние. С потолка свисали остроконечные каменные сосульки — сталактиты, а навстречу им с пола тянулись толстые столбики сталагмитов, и в этом ровном сиянии они искрились, словно покрытые сахарной пудрой.

— Ух ты… — прошептала Эля, заворожённо оглядывая своды. — Они как ледяные!

— Только трогать их руками нельзя, — тихо предупредил Лука, — от прикосновений камень перестаёт расти. А теперь посмотри на стену слева, только не шуми.

Эля осторожно повернула голову к влажной стене — и ахнула, прикрыв рот ладошкой. По спине даже пробежал холодок: вся поверхность от пола до самого верха была сплошь усыпана крупными пещерными сверчками. Они сидели неподвижно, совсем рядом друг с другом, и в мягком свете кристаллов тихо шевелили длинными, тонкими, как ниточки, усами.

Кикко уже хотел было звонко тявкнуть от удивления, но Орику вовремя накрыла ему нос пушистой лапой и строго зашипела:

— Тс-с-с! Забыл, что хозяйка обещала беречь тишину?

Кикко тихонько фыркнул в кошачью лапу, прижал уши и виновато опустил хвостик. Эля улыбнулась, погладила щенка по тёплой макушке, и они на цыпочках отошли от стены со сверчками.

Лука повёл их дальше, через невысокий каменный проход в соседний грот. Здесь кристаллов в стенах было совсем мало, и под потолком царил густой полумрак. Лука остановился, приложил палец к губам и тихо прошептал, показывая вверх:

— А теперь посмотрите вон туда, в глубокие выемки под самым сводом…

Эля подняла голову. В тёмных каменных углублениях, куда почти не доходил мягкий свет кристаллов, вниз головой висели маленькие пушистые летучие мыши. Они плотно завернулись в свои тонкие перепончатые крылья, словно в крошечные плащи, и мирно спали.

— Какие смешные… как маленькие зонтики, — еле слышно прошептала Эля, стараясь дышать совсем тихо.

Орику задрала голову, прищурила янтарные глаза и важно кивнула:

— Спят, как сурки. Главное — не будить их, а то устроят тут ночной переполох. Пойдёмте дальше, я чувствую запах чистой воды.

Они прошли через каменную арку в следующий грот, где свод опускался ниже, а кристаллы в стенах светились мягким голубоватым сиянием. И тут Эля замерла от восхищения.

Посреди зала лежало небольшое подземное озеро. Вода в нём была настолько кристально прозрачной, что казалось, будто её вовсе нет — сквозь ледяную гладь до самого дна был виден каждый гладкий камушек и белая песчинка. В неподвижной воде, словно в зеркале, отражались свисающие сверху сталактиты.

Кикко осторожно подошёл к самому краю, сунул любопытный чёрный нос к воде, чихнул от холода и отпрыгнул назад, недовольно потряхивая ушами.

Эля присела на корточки у берега и осторожно опустила кончики пальцев в воду. Она оказалась обжигающе студёной и невероятно чистой. В абсолютной тишине грота сверху сорвалась одна-единственная капля, звонко ударилась о водную гладь — *дзинь!*— и от неё побежали ровные круги, а в гулком эхе пещеры послышался тихий, певучий шёпот:

Acqua chiara, pietra silente,

Il buio non fa paura a chi ha il cuore presente.

(«А́ккуа кья́ра, пье́тра силе́нте, Иль бу́йо нон фа пау́ра а ки а иль куо́ре презе́нте» — «Прозрачная вода, безмолвный камень, Темнота не страшна тому, чьё сердце не прячется».)

Лука улыбнулся, наклонился к самой кромке воды и поднял со дна маленький, обкатанный осколок светлого кристалла, похожий на застывшую капельку льда:

— Держи на память о нашей пещере, Эля. Ты сдержала клятву юного спелеолога: не испугалась тесного хода и не разбудила ни одного жителя подземелья.

— Спасибо, Лука! — обрадовалась Эля, бережно зажимая прохладный кристаллик в ладони. — Я поставлю его на тумбочку рядом с жёлудем и ракушкой!

— Ну что, исследователи, пора наверх, — потянулась Орику, с опаской поглядывая на Кикко, который уже присматривался к новому узкому лазу. — А то этот ушастый колобок сейчас ещё одну пещеру откроет. *Andiamo!*

Обратный путь через «шкуродёр» показался Эле совсем коротким и ни капельки не страшным. Когда они выбрались из потайного входа обратно на заснеженную сопку, Лука расчистил от снега небольшую площадку у камней и развёл невысокий, уютный костёр.

— Посидим немного, согреемся перед дорогой вниз, — улыбнулся он, подвешивая над огнём закопчённый походный котелок со снегом.

Когда вода закипела, Лука бросил в котелок пару свежих зелёных кедровых лапок, веточку душистой лианы лимонника, тёмный кусочек берёзовой чаги и горсть сухих ягод шиповника, которые Эля сама сорвала с колючего куста рядом со скалой. Над полянкой сразу поплыл густой, ни с чем не сравнимый таёжный аромат — пахло хвоей, дымком, лёгкой кис-

линкой лимонника и лесным теплом. Лука снял котелок с огня и разлил ароматный отвар по походным кружкам.

Эля грела ладони о горячую кружку и пила маленькими глотками — чай был терпким, золотисто-янтарным и самым вкусным на свете. Кикко устроился у самых ног хозяйки на сухом валежнике, блаженно прикрыл глаза от тепла костра и тихонько похрапывал, а Орику примостилась на камне, согретом жаром огня, жмурясь на пламя и изредка пошевеливая кончиком хвоста.

— Ну как, согрелась? — негромко спросил Лука, подбрасывая в огонь сухую ветку. — После подземного озера даже в тёплой куртке зябко.

— Очень вкусно! — улыбнулась Эля, с удовольствием вдыхая травяной пар, и честно призналась, чутьпередёрнув плечами: — А знаешь, Лука… когда я тех сверчков на стене увидела, мне сначала даже страшно стало! Их там так много было… А вот летучие мышки совсем милые, спят себе вниз головой и никого не трогают.

— Зато ты даже не пискнула и никого не спугнула, — подмигнул Лука. — А это и есть самое главное под землёй.

Напившись чаю и поблагодарив Луку за угощение, Эля снова надела варежки и пристегнула поводок к шлейке Кикко. Они попрощались у скалы, спустились по хрустящему снегу сквозь кедры и ели вниз, и там, за густой тенью старого ствола, снова распахнулась их знакомая спальня.

Через миг на Эле снова была её мягкая пижама. Эля бережно поставила свою находку на тумбочку рядом с перламутровой ракушкой Михо и блестящим жёлудем Старого Дуба, и светлый подземный кристалл сразу мягко заискрился в лунном свете.

Кикко залез в свою корзинку, свернулся рыжим калачиком и тихо засопел, набегавшись по сугробам. Эля забралась под одеяло и счастливо вздохнула:

— Знаешь, Орику, сначала в том узком ходе мне было так не по себе… А потом оказалось, что под землёй так красиво!

Из тёмного угла донёсся тёплый, довольный мурлыкающий голос:

— *Brava, piccola.*Настоящая храбрость — это когда всё равно ползёшь вперёд, даже если стенки жмут со всех сторон. Спи, *dolce notte*.

Эля улыбнулась в темноту, глянула на поблескивающий на тумбочке кристалл и спокойно закрыла глаза.

Глава 7

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.